

Между
ночью и ее
глазами

Владислав
Тишков

Владислав Тишков

Между ночью и ее глазами

<https://litres.ru/74357124>

SelfPub; 2026

Аннотация

"...они видели, как свет ложится на кружево судьбы и превращает простую ткань в несбыточные обещания...в руины хрупких миров желаний ради создания их копий, где слова стекают мягким воском, а чувства людей бродят по кругам собственной памяти, искусно примеряя маски прошлого. И всякий раз, когда им казалось, что они нашли себя, они обнаруживали лишь очередную иллюзию, раскрывающую свой тонкий занавес во что бы то ни стало...."

Владислав Тишков

Между ночью и ее глазами ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МОДЕЛЬЕР — Марк, 45 лет. Раздавленный собственным прошлым, с тлеющими под пеплом углями бывлой харизмы. В воспоминаниях — сама уверенность, одержимость, воплощенная страсть.

АННА — Манекенщица, его погибшая (исчезнувшая) любовь. 28 лет. Обладательница редких, бархатно-фиалковых глаз. Настолько выразительных, что их сияние, единожды увидев, невозможно стереть из памяти.

МАНЕKEN — Существо, сотворенное Ученым. Внешне — безупречная копия Анны, с механической плавностью движений и космической пустотой там, где должна обитать душа. По ходу действия обретает всё более человеческие черты, однако в финале ее человечность оказывается лишь безупречной формой, лишенной содержания. Играет та же актриса, что и Анну, в диаметрально противоположной пластике.

УЧЕНЫЙ — Доктор Берг. Невропатолог и инженер. Сутулый, с вечно влажными ладонями и горящими глазами непризнанного фанатика. Гений, отринутый научным сообществом. Его связь с Манекеном — гремучая смесь отцов-

ства, тайной влюбленности и холодного научного азарта.

ЛЕЙЛА — Нынешняя женщина Марка. Приземленная, резкая, ревнивая до безумия. В прошлом — жертва токсичного брака, выбравшаяся из него ценой невероятных усилий. Теперь болезненно реагирует на любую форму эмоциональной недоступности. Сражается не с Анной, а с памятью о ней и с собственной незаживающей травмой.

ЖЕНА — Эстер, 50 лет. Умная, смертельно уставшая и при этом не сломленная женщина. Знает о Марке куда больше, чем он способен предположить. Не злодейка и не жертва. Партнер, принявший чудовищную сложность их брака, как данность.

ПОМОЩНИКИ, МОДЕЛИ, ГОСТИ ПОКАЗА — массовка для сцен-флэшбеков.

СЦЕНОГРАФИЯ

Сценическое пространство рассечено на три концентрических круга, напоминающих мишень или гигантскую воронку памяти.

Первый круг (авансцена) — царство настоящего. Сознательный аскетизм: два стула, торшер, источающий теплый, почти янтарный свет, столик с графином воды. Здесь пульсирует «текучесть происходящего» — диалоги Марка и Лейлы, финальная дуэль.

Второй круг — зона воспоминаний. Залит безжизнен-

ным серебристым светом. Пространство флэшбеков: подиум, примерочная, ночной парк, спальня Эстер, платформа метро, лаборатория.

Третий круг (задник) — сюрреалистическое нутро «Занавеса Сердца». Колоссальная конструкция из напряженных алых канатов, ребер каркаса и полупрозрачных тканей. В раскрытом виде являет собой театр теней, пластический этюд, балет отчаяния, живущий по законам сна.

Принципиально: Переходы между кругами происходят мгновенно. Световой луч выхватывает то настоящее, то прошлое. Диалоги, рождаясь в «текущем происходящем», могут продолжиться во флэшбеке и умереть в «сердце». Хронология разорвана намеренно. Так дышит и корчится память.

НАЧАЛО

Тишина. Кромешная тьма. Слышно лишь дыхание — тяжелое, мужское, с присвистом. Оно постепенно выравнивается, напряжение же никуда не уходит.

Узкий луч света, словно скальпель, вскрывает авансцену. МАРК сидит на стуле, сгорбившись, в позе сломленной птицы. Ему 45, выглядит на все 60. Изможденное лицо, благородная седина на висках, дорогой, изрядно поношенный пиджак. В руках — кружевная маска, старая, потеряя на сгибах, всё ещё изысканная. Он перебирает пальцами ветхое кружево. Движение автоматическое с воодушевлением кано-

нического.

МАРК. Почти шепотом, в пустоту. Существуют вещи, что не подлежат избавлению. Не в силу присущей им ценности, но по той причине, что, обратиться они в ничто, вместе с ними обратился бы в ничто и тот, кто ими владеет. Пауза. Кончиками пальцев проводит по краю кружева. Маска. Сколь странный предмет! Будучи призвана скрывать черты, она, по жесточайшей из ироний, обнажает самую сущность. Мы все без исключения примеряем личины, дабы сделаться теми, кому не хватает мужества быть пред лицом света. Горькая усмешка. Парадокс, достойный пера романиста. Я водрузил маску на неё и донага разделся сам. С того часа... с того самого часа существую, лишенный кожи. Всё, чем владею ныне, — этот клочок кружева. Единственное, что обрело плоть от человека, коего боготворил, а потом уничтожил.

Из темноты доносится женский голос. Усталый, с привычной ноткой раздражения. Это ЛЕЙЛА, пока незримая.

ЛЕЙЛА. Уж не с пустотой ли вы изволите беседовать, сударь?

Свет резко заливает авансцену. ЛЕЙЛА входит с двумя чашками кофе. На ней домашний, уютный халат, цветочное пятно, контрастирующее с могильным холодом сцены. Ей около сорока, черты лица резки, глаза живые, хоть и воспаленные от хронической усталости. Увидев маску, застывает.

ЛЕЙЛА. Боже правый, Марк. Снова реликвия несбывшейся мечты. А ведь вы давали слово.

МАРК. Слов, ежели мне не изменяет память, я не давал.

ЛЕЙЛА. Вы изволили обронить: «я попробую». И каждое слово впечаталось в память с отчетливостью гравировки на серебре. Я вела счет дням, ибо лишь счет и способен принести утешение душе, обреченной на ожидание. Три недели вы не прикасались к ней. Двадцать один день. Я уже почти убедила себя, что мы одержали победу.

МАРК. Попытки мои длятся непрестанно. Денно и ночью. Но она... она покоится в ящике моего стола, Лейла, и стоит смежить веки, как до слуха доносится её дыхание. Понимаю всю степень безумия... подобное признание должно быть сочтено, и всё же слышу.

ЛЕЙЛА. Материя, сударь мой, не обладает способностью дышать. Всего лишь кружево. Ему двадцать лет. Взгляните. Оно выцвело, пропиталось запахом нафталина и тлена. Ставит чашки на стол, подходит ближе. Отдайте.

МАРК. Нет.

ЛЕЙЛА. Отдайте же. Я предам её уничтожению, и мы наконец-то заживем. По-настоящему. Без призраков, населяющих каждый угол. Вы и я. И никого третьего, пусть даже сей третий всего лишь фантом, сотканный из ткани и воспоминаний.

МАРК. Поднимает глаза. Впервые за сцену смотрит прямо на неё. Неужели вы полагаете, будто призрак способен испариться от одного лишь уничтожения вещи? Качает головой. Призраки, дражайшая моя Лейла, избирают местом

обитания отнюдь не реликвии. Они селятся здесь.

Прижимает маску к груди. Туда, где аритмично бьется сердце. Лейла отступает на полшага, до побелевших костяшек сжимая пальцы. Жест, виденный ею сотни раз.

ЛЕЙЛА. Знаете ли вы, что представляется мне наиболее ужасающим? С какой же манерой вы её гладите. Словно живую. С нежностью, каковой никогда не удостаивали меня. Пауза. Участь, достойная жалости, — ревновать к обрывку материи. И всё же такова моя участь.

МАРК. Лейла...

ЛЕЙЛА. Сделайте милость, не прерывайте. Дайте завершить то, что начала. Десять лет в супружестве с человеком, который удостаивал меня взглядом, приличествующим предмету обстановки, а не живой женщине. Десять лет пустого места в собственном доме. Согласитесь, опыт, способный чему-то научить. Я выкарабкалась. По крупицам собрала себя из осколков. Дала торжественный зарок. Никогда более не вступать в соперничество с фантомами. И вот я здесь. Проигрываю битву кружеву. Садится, обхватывает плечи руками. Расскажите. Раз лишена возможности обратить это в пепел. Дайте хотя бы осознать. Кто она? Что между вами было?

МАРК. Вы искренне желаете знать?

ЛЕЙЛА. Я желаю знать, с кем имею честь делить вас. Если уничтожить это невозможно. Пусть обретёт имя и лицо.

МАРК. Медленно. Да будет так. Однако ж... стройного

повествования не выйдет. Воспоминания не признают хронологии. Они набрасываются, точно свора гончих, в разное время суток, без малейшего предупреждения. Стоит начать и порядок рухнет.

ЛЕЙЛА. Так пусть рушится. Говорите, как помнится. Я, смею надеяться, сумею разобраться.

Марк смотрит на неё долгим, оценивающим взглядом. Кивает, будто подписывая себе приговор.

МАРК. В таком случае. Слушайте же.

Свет на авансцене гаснет.

ФЛЭШБЕК 1: ПОКАЗ

Резкий, агрессивный удар прожектора во второй круг. Пространство взрывается грохотом музыки. Ритмичной, модной, почти звериной. Гул голосов. ПОДИУМ. Мелькают силуэты МОДЕЛЕЙ в авангардных одеяниях, ПОМОЩНИКИ с планшетами, ФОТОГРАФЫ. Какофония звуков: щелчки затворов, обрывки фраз на французском, утробный bass-бит.

МАРК. Здесь ему 35, зенит славы. Безупречный крой костюма, разворот плеч, лихорадочный блеск в глазах. За кулисами он нервно теребит обрезок ткани. Перед ним — АННА, облаченная в умопомрачительное вечернее платье из тёмно-синего, почти чернильного шёлка. Стоит спиной к зрителю. Марк всматривается в её отражение в огромном зеркале.

Застывает. Рука с тканью замирает в воздухе.

МАРК. Не веря себе, потрясенно. Господи...

АННА. Не оборачиваясь. Вероятно, платье дурно сидит? Я имела честь предупредить вас, что линия плеча чересчур узка. Плечи пловчихи, знаете ли, не склонны подчиняться капризам кроя.

МАРК. Платье... платье здесь решительно ни при чём. Делает шаг, пытаясь в зеркале поймать её лицо. Сделайте одолжение, повернитесь.

Анна медленно разворачивается. Свет бьет в лицо, и зрительный зал видит её глаза. Невероятного, мистического оттенка. Не голубые, не серые, но нечто промежуточное, с примесью фиолетового, родственное лепесткам ирисов. Фиалковые. Они слишком живые и глубинные для подиума. Глаза, что не продают наряды, а похищают всё внимание без остатка.

МАРК. Тихо, ошеломленно. Скажите на милость, что это за пигмент?

АННА. Фиалковый. По крайней мере, так утверждала моя покойная матушка. Наследство отца, который был наполовину... впрочем, это не имеет ровно никакого значения. А в чем проблема собственно говоря? Вдруг напрягается. Если цвет моих глаз способен повредить показу, я готова прибегнуть к линзам серого оттенка.

МАРК. Исключено. Я питаю врожденное отвращение ко всякого рода сокрытиям такой красоты. Пауза. И всё же от-

тенок... он до неприличия заметен. До крайности... подбирает слово... запоминаем. Весь зал потонет в ваших глазах, напроочь позабыв о платье. Платье же, смею заметить, стоило мне трех месяцев бессонницы и совершеннейшего ада в сложностях эстетического производства. И супруга моя. Она восседает в первом ряду. Увидит. Запомнит. Такие глаза невозможно не запомнить.

АННА. И какой же вывод следует из этого обстоятельства? Что она случайно повстречает меня в городе и узнает? Мы не совершаем ровным счетом ничего предосудительного. Всего лишь работа.

МАРК. Вы отнюдь не просто статистка. Вы... осекается.. чересчур заметная статистка. Понимаете разницу?

АННА. С вызовом. Какие будут распоряжения? Прикажете ослепить меня? Или, быть может, объявить о замене модели? Только слово. И платье будет снято.

МАРК. Нет! Ради всего святого, не снимайте. Пауза. Его лицо озаряется идеей. Из кармана пиджака извлекается обреза́к чёрного кружева. Послушайте... явилась одна мысль.

АННА. Что такое?

МАРК. Кружево. Жалкий остаток прошлой коллекции. Закройте глаза.

АННА. С какой целью?

МАРК. Просто закройте. Окажите мне честь доверием. Хотя бы на минуту.

Анна изучает его долгим, испытующим взглядом. Мед-

ленно опускает веки. Марк аккуратно прикладывает кружево к её лицу, импровизируя маску. Движения быстры, уверенны. Портной работает с тканью. Завязывает концы на затылке. Отступает на шаг.

МАРК. Можете открыть.

Веки поднимаются. Сквозь кружево глаза мерцают. Как звезды в тумане, как далёкие городские огни сквозь занавеску. Зрелище, от которого перехватывает дыхание. Анна разглядывает своё отражение.

АННА. Медленно. Я нахожу в этом отражении сходство с птицей, запертой в клетке. Или с вдовой. Или с богиней описываемой в мировой славы романах. Решительно не могу разобрать. Поворачивается к нему. Что, по вашему замыслу, я должна чувствовать?

МАРК. Ровным счетом ничего. Ступайте и покажите платье. Отныне ни одна живая душа не увидит этих глаз. Лишь один-единственный человек будет знать, что скрывается под кружевом. Пауза. Это останется тайной, принадлежащей лишь нам двоим.

АННА. Тайной? Мы имеем честь быть представленными друг другу не более четверти часа. О какой тайне может идти речь?

МАРК. О величайшей из всех. О тайне красоты. Секрет заключен не в том, что явлено взорам света. Он в том, что сокрыто. Поправляет маску. Жест почти интимный. Ступайте же. Вас ждут.

Анна выходит на подиум. Свет следует за ней. Музыка нарастает. Она шествует величаво, загадочно. Маска превращает её в существо из иного измерения. Гости аплодируют, гул оваций нарастает. Марк смотрит вслед из-за кулис.

ГОЛОС МАРКА. Звучит поверх сцены, как внутренний монолог, обращенный к Лейле и в зал. Что обыкновенно говорят о любви с первого взгляда? Вспышка. Мгновенное узнавание. Химическое соединение двух душ. Перст судьбы. Сущий вздор, смею вас заверить. Любовь с первого взгляда, дорогие мои, это когда вы видите человека впервые, а страх ваш уже нашёптывает план, как его укрыть от целого света. Я полюбил её отнюдь не в то мгновение, когда узрел её глаза. Это чувство скоропалительно явилось, когда я осознал со всей отчетливостью, что готов скрыть их от мира. То была любовь-катастрофа. Любовь-воровство. Любовь-преступление, ещё не совершённое, но уже задуманное с тою тщательностью, коей требуют лишь самые тёмные помыслы.

Свет гаснет. Тишина, прорезаемая лишь эхом затихающих аплодисментов.

НАСТОЯЩЕЕ 1

Авансцена. МАРК и ЛЕЙЛА. Лейла сидит, обхватив колени руками. Слушает с предельным вниманием. Кофе давно остыл.

ЛЕЙЛА. Стало быть, вы ощутили это без промедления?

В самый момент первой встречи?

МАРК. Истинно так.

ЛЕЙЛА. А она. Ответила ли взаимностью?

МАРК. Осмелюсь предположить... не уверен. Анна вообще питала решительное отвращение к прямым разговорам о чувствах. Черта, столь же редкостная в её кругу, сколь и достойная уважения. О себе повествовала весьма скупой. Я изучил её тело. Каждый изгиб, каждую, с позволения сказать, родинку. Души же не знал вовсе. Занятное свойство человеческой натуры. Можно быть одержимым кем-то годами, так и не приблизившись к его внутренней вселенной ни на йоту. Вполне допускаю, что и не стремился к тому. Любил образ. Образ же, надобно заметить, имеет то неоспоримое достоинство, что никогда не задаёт неудобных вопросов.

ЛЕЙЛА. А супруга? Вы упомянули, что она находилась в зале. Сделалась ли она свидетельницей того показа?

МАРК. Да. И я пребывал в убеждении, что она ровным счетом ничего не приметила. Но Эстер, да будет вам известно, всегда примечала всё.

ЛЕЙЛА. Эстер. Весьма благозвучное имя. Поведайте же о ней.

Марк молчит долгую минуту. Кивает.

МАРК. Извольте.

Свет перебрасывается во второй круг. Флэшбек.

ФЛЭШБЕК 2: ЭСТЕР

Второй круг. Вечер после показа. Гостиная в доме Марка и Эстер. Обставленная с безупречным вкусом, отдающая музейным холодом. ЭСТЕР, дама слегка за сорок, сидит в кресле с бокалом белого вина. Вечернее платье цвета спелой вишни. Умное, усталое лицо той, что давно отучилась задавать вопросы, страхась услышать ответы. Однако ж сегодня, кажется, решилась.

МАРК входит. Всё ещё во власти адреналинового опьянения, галстук ослаблен, глаза горят.

МАРК. Ты ещё не почивала? Я полагал, ты отбыла тотчас по завершении показа.

ЭСТЕР. Я отбыла. И возвратилась. Нам надобно переговорить. Показывает на кресло напротив. Присядь, прошу тебя.

МАРК. Садится, всё ещё в эйфории. Ну, каково твое суждение о показе? Не правда ли, платье в последнем выходе. Решительно лучшее из всего, что я создал за пять лет? А маска! Какая импровизация с кружевом. Ты, разумеется, её заметила? Чистейшей воды экспромт! Извлек из кармана обрезок и...

ЭСТЕР. Перебивает, с ледяным спокойствием. Кто она?

МАРК. Прошу прощения?

ЭСТЕР. Девица в маске. Модель. Кто она такова?

МАРК. Чересчур поспешно. Новая. Решительно не знаю. Прислана агентством. Анна, ежели не ошибаюсь. Или Алина.

Не помню.

ЭСТЕР. Анна. Вы отлично помните. Вы никогда не забываете имён моделей. Обстоятельство, делающее честь вашей памяти и отнюдь не делающее чести вашему благоразумию. Отпивает вина. Я наблюдала не платье, Марк. Ваши реакции вызвали во мне куда больший интерес. Вы стояли за кулисами и взирали на неё с выражением... подбирает слово... мальчика, что нашел чужую игрушку и уже измышляет способ её похищения.

МАРК. Эстер, душа моя, это всего лишь работа. Тебе ли не знать, что я склонен увлекаться? Всегда увлекался новыми лицами. Таково уж свойство моей натуры и моей профессии. Человек творческий просто обречен влюбляться в собственных моделей. В противном случае не создаст он ровным счетом ничего достойного внимания. Но эта влюбленность... она носит сугубо профессиональный характер. Длится ровно столько, сколько продолжается работа над коллекцией. Мы обсуждали этот предмет сотни раз.

ЭСТЕР. Кивает, однако с видом чрезвычайно отстранённым. Обсуждали. Видите ли, Марк, пятнадцать лет супружества. Срок вполне достаточный для того, чтобы выучить интонации мужа. Когда вы лжете, речь ваша обретает несвойственную ей гладкость. Точно вы репетировали перед зеркалом. Пауза. Не опасайтесь. Сцен не последует. Не стану я ни следить за вами, ни рыться в вашем мессенджере. Я лишь желаю, чтобы вы знали: я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.